

# Акциональные характеристики непроизводной основы глагола в эвенкийском языке

Елена Леонидовна Рудницкая

*Институт востоковедения РАН*

*Москва, Россия*

*erudnitskaya@gmail.com*

В статье анализируется интерпретация непроизводной основы глаголов разных акциональных групп с показателем небудущего времени (аориста). На основе этого анализа показано, что непроизводную глагольную основу в эвенкийском языке нельзя считать перфективной. Однако предпринимается попытка показать, что непроизводная основа эвенкийского глагола соотносится с предельностью «в широком смысле» (это значение перфективной основы). Показано, что все непроизводные глагольные основы, кроме тех, которые обозначают постоянные состояния, интерпретируются как события, процессы или состояния, ограниченные во времени, как предельные или закончившиеся процессы. В частности, подробно рассмотрена предельная интерпретация непроизводной основы глагола, «делимитативная» интерпретация (в контексте обстоятельства, задающего отрезок времени), а также интерпретация неопределённого действия или ситуации как закончившихся по причине, не связанной с их внутренней структурой. Таким образом, выявлена зависимость интерпретации от контекста. Перечисленные интерпретации можно соотносить с предельностью «в широком смысле», или с «терминативностью», характерной для перфективной основы. Кроме того, показано, что вид в эвенкийском языке нельзя считать деривационным в концепции С. Г. Татевосова, несмотря на то что непроизводная основа по значению соотносима с перфективной.

**Ключевые слова:** эвенкийский язык, аспект, основа, предельность, терминативность

**Благодарности:** Автор благодарит участников конференций «Конкорт-2025» и «ТМП-15» (2025) за полезные замечания по предыдущим вариантам данной работы.

**Для цитирования:** Рудницкая Е. Л. Акциональные характеристики непроизводной основы глагола в эвенкийском языке. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 98–121.

**DOI:** 10.37892/2313-5816-2026-1-98-121

## Actional properties of an underived verb base in Evenki

Elena Leonidovna Rudnitskaya

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science*

*Moscow, Russia*

*erudnitskaya@gmail.com*

The present paper analyzes the interpretation of underived verb bases of various actional classes in the Evenki language. On the basis of this analysis, it is shown that the underived verb base in Evenki cannot be considered perfective. However, we try to show that the underived Evenki verb base can in broad terms be related to telicity. It has been demonstrated that all Evenki underived bases, except those that denote constant states, are interpreted as events, as processes or states that are time-bound, or as processes that are telic, or have ended. In particular, we consider in detail the telic verb base interpretation, the “delimitative” interpretation (in the context of a time period adverbial), as well as the interpretation of an atelic verb or a stative verb as denoting a situation that has ended because of a reason not related to the situation’s internal structure. Thus, the interpretation of an underived verb base strongly depends on the context. The interpretations above can be related to telicity in a broad sense, a.k.a. “terminativity”. It is also shown that aspect in Evenki cannot be regarded as derivational in the system of S.G. Tatevosov, in spite of the fact that the meaning of the underived base correlates with the meaning of a perfective base.

**Keywords:** Evenki, aspect, base, telicity, terminativity

**For citation:** Rudnitskaya E. L. Actional properties of an underived verb base in Evenki. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 98–121.

**DOI:** 10.37892/2313-5816-2026-1-98-121

## 1. Введение

В эвенкийском языке имеется большое количество показателей, которые традиционно считаются видовыми [Константинова 1964; Горелова 1979]. Это имперфектив  $-dA^1$ , дисперсив  $-ktA$ , итератив  $-wAn$  /  $-wAt$ , дуратив  $-t$  /  $-či$ , дистрибутив  $-t(i)$ , инцептив (или семейфактив)  $-sin$  /  $-hin^2$ , хаби-туалис  $-ηnA$  и другие. О. А. Константинова, И. В. Недялков, Б. В. Болдырев [Константинова 1964; Nedjalkov 1997; Болдырев 2007] никак не комментируют количество видовых показателей; Л. М. Горелова [Горелова 1979] отмечает большое количество показателей и в то же время наиболее подробно обсуждает только показатель имперфектива  $-dA$ , называя его показателем длительности и сопоставляя имперфективную форму глагола в эвенкийском языке с формой несовершенного вида глагола в русском. В настоящей статье будет предпринята попытка выяснить статус перфективной и имперфективной форм глагола в эвенкийском с опорой на данные типологии и показать, что интерпретации производной формы приблизительно соответствуют понятию предельности «в широком смысле» [Плунгян 2011: 113–115; Зализняк, Шмелев 2000: 53–54], или «терминативно-сти» [Paducheva, Pentus 2008].

Материал для настоящей статьи был собран в экспедициях 2024–2025 гг. в село Усть-Нюкжа (Тындинский район, Амурская область). В этом селе говорят на одном из восточ-

---

<sup>1</sup> Заглавная буква *A* в  $-dA$  здесь и далее используется для обозначения гласных в аффиксах, которые, подчиняясь нетривиальной разновидности закона гармонии гласных в эвенкийском языке, имеют по три варианта ([a], [ə], [o]) в зависимости от гласного корня. Подробнее см. [Nedjalkov 1997: 314–315].

<sup>2</sup> Вариант с начальным  $-h-$  в  $-sin/-hin-$  употребляется в северных диалектах эвенкийского а с  $-s-$  — в южных; считается, что в восточных диалектах представлен вариант  $-hin$ , однако в усть-нюкжинском говоре, к которому относятся наши экспедиционные данные, представлены варианты  $-hin$ ,  $-in$ ,  $-ηin$ . Конечное  $-n$  в  $-hin-$  в определенном контексте (перед некоторыми согласными) выпадает:  $ηəpə-hi-ča-n$  идти-INCEP-PST-3SG ‘пошел’.

ных диалектов по работе [Василевич 1948: 12]. По классификациям [Цинциус 1949: 12–13; Булатова 1987: 7], усть-нюкжинский говор относится к витимо-олёкминскому диалекту. Были опрошены носители языка возрастом от 40 до 75 лет (участвовали в опросах всего около 10 носителей, в основном оленеводы). Носителям были предложены анкеты, направленные на выявление акциональной классификации эвенкийских глаголов по методике С. Г. Татевосова [Лютикова и др. 2006; Татевосов 2016; Оскольская 2017]. Также для проверки выводов, полученных при элицитации, были использованы данные корпусов [Казакевич и др. 2023] (ИЯз); [Däbritz et al. 2024] (INEL).

## **2. Можно ли считать непроизводную основу в эвенкийском языке перфективной?**

В. А. Плунгян [Плунгян 2011] считает, что в неславянских языках с большим количеством видовых показателей можно говорить о перфективности, но нельзя говорить о перфективной и имперфективной основах как об основных аспектуальных формах глагола: нужно учитывать не только перфективность, но и все остальные видовые категории данного языка. В то же время [Аркадьев, Шлуинский 2015] делят языки с деривационным видом на перфективирующие и имперфективирующие, что все-таки позволяет считать определенные перфективные и имперфективные формы глагола «первичными» аспектуальными формами глагола, а остальные формы — «вторичными» (ср. термин «вторичная перфективация (имперфективация)»).

К перфективирующим языкам (тем, в которых большинство непроизводных глаголов относятся к несовершенному виду), [Аркадьев, Шлуинский 2015] относят русский (как пример славянских языков), осетинский, идиш и другие языки. К имперфективирующим языкам относятся самодийские языки и эвенкийский язык. Действительно, в эвенкийском языке имперфективная основа чаще всего образуется от непроизводной (перфективной). Так, в (1а) пред-

ставлена перфективная основа глагола *un-* ‘таять’, а в (1б) — имперфективная:

- (1) а. *imanna un-ča* *dur iḡəni-li*  
 снег таять-PTCP.ANT два день-PROL  
 ‘Снег растаял за два дня’ (перфективная основа)  
 [элицитация]  
 б. *imanna un-də-ča* *dur iḡəni-wə*  
 снег таять-IPFV-PTCP.ANT два день-ACC  
 ‘Снег таял два дня’ (имперфективная основа)  
 [элицитация]

Однако не любая непроизводная основа является перфективной<sup>3</sup>, например у стативного непроизводного глагола основа обозначает состояние. Так, приведем вслед за работой [Аркадьев, Шлуинский 2015: 12] пример (2а-б), в котором от непроизводной имперфективной основы *buylə-* ‘болеть’ образуется производная перфективная:

- (2) а. *Vas'a buylə-ra-n nadalla-wa*  
 Вася болеть-NFUT-3SG неделя-ACC  
 ‘Вася (по)болел неделю’  
 б. *Vas'a buylə-l-ča*  
 Вася болеть-INCH-PTCP.ANT  
 ‘Вася заболел’

С точки зрения [Аркадьев, Шлуинский 2015], *un-* ‘таять’ в (1а) — перфективная непроизводная основа, а *buylə-* ‘болеть’ в (2а) — имперфективная непроизводная основа. Поскольку в эвенкийском языке перфективных непроизводных основ больше, чем имперфективных (это основы всех динамических глаголов), эвенкийский язык следует считать имперфективирующим.

Таким образом, в подходе П. М. Аркадьева и А. Б. Шлуинского не обязательно соотносить перфективную или имперфективную основу с определенным морфологическим ви-

<sup>3</sup> Заметим, что [Nedjalkov 1997: 247] считает непроизводную основу нейтральной, а не перфективной.

дом основы (например, непроизводная). Проверим данный вывод для эвенкийского языка.

В работах [Шлуинский 2012; 2017: 30] отмечается, что в лесном диалекте энецкого языка разница между перфективными и имперфективными непроизводными основами — во временной референции глагола с этой основой при присоединении показателя фактатив (аориста): у имперфективных основ референция к настоящему времени, а у перфективных — к прошедшему. В лесном диалекте энецкого перфективными являются непроизводные основы предельных глаголов, а имперфективными — основы неопредельных глаголов и глаголов, обозначающих состояние. Таким образом, временная референция глагольной словоформы зависит от акционального класса, к которому относится глагол, а не от морфологической формы основы (непроизводная).

Рассмотрим (За-б). В (За) представлен глагол во времени аорист (небудущее время NFUT на *-rA*). Имперфективная основа в (Зб) в этом же времени переводится на русский глаголом настоящего времени. Глоссирование в примере (Зб) показывает, что показатель настоящего времени состоит из двух показателей: *-dA* IPFV (имперфектив) и *-rA* NFUT (небудущее время/аорист). Таким образом, показатель настоящего времени отличается от показателя аориста как раз показателем имперфектива<sup>4</sup>.

По грамматикам, аорист определяется как время, предполагающее, что действие закончилось к моменту речи (ср. “a simple perfective recent past action” [Nedjalkov 1997: 237]), или что продолженное состояние имеет место в настоящее время (“present prolonged state” [Nedjalkov 1997: 237])<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Практически во всех грамматиках [Константинова 1964; Nedjalkov 1997; Bulatova, Grenoble 1999; Болдырев 2007] считается, что показатель *-dArA* — это одна морфема, то есть сочетание *-dA+ -rA* претерпело грамматикализацию. С нашей точки зрения, эта грамматикализация неполная [Морозова, Рудницкая 2022].

<sup>5</sup> Также имеется еще несколько дополнительных употреблений. Они редко встречаются, мы их здесь не рассматриваем. В обоих

В эвенском языке [Мальчуков 2022] есть аорист с похожими свойствами. Если в эвенском языке распределение перфективных и имперфективных основ такое же, как в лесном энецком, то в эвенкийском глаголы, обозначающие процесс, и стативные глаголы, обозначающие временные состояния, с показателем небудущего времени *-ra* имеют референцию к прошедшему времени. Для временных состояний это показано в (2а) выше и в (4), для предельных глаголов см. (3а-б).

- (3) а. *nuŋaŋ*      *dukiwun-ma*                      ***duku-ra-n***  
          он          письмо-ACC                      писать-NFUT-3SG  
          (А) 'Он написал письмо'; (Б) \* 'Он пишет письмо';  
          \*(В) 'Он писал письмо' [элицитация]
- б. *nuŋaŋ*      *dukiwun-ma*                      ***duku-da-ra-n***  
          он          письмо-ACC                      писать-IPFV-NFUT-PST-3SG  
          'Он пишет письмо' [элицитация]
- (4) *Vas'a*      ***buyla-ra-n***  
       Вася      болеть-NFUT-3SG  
       (А) 'Вася переболел', \*(Б) 'Вася болел'

Рассмотрим глаголы, которые обозначают такие действия, как 'идти', 'бежать', 'заботиться', которые в русском считаются непредельными, а в эвенкийском относятся к предельным. Так, глагол с непроизводной основой *tuksa-* 'бежать' в (5а) переводится носителями на русский как глагол совершенного вида в прошедшем времени, а тот же глагол с основой на *-da* (IPFV) в (5б) имеет референцию к настоящему (и, соответственно, переводится русским глаголом несовершенного вида). В примере (6а) глагол с непроизводной основой *karaj-* 'заботиться' переводится глаголом прошедшего времени, а тот же глагол в (6б) с основой на *-da* (IPFV) переводится глаголом в настоящем времени.

- (5) а. *nuŋaŋ*      ***tuksa-ra-n***  
          он          бежать-NFUT-3SG

---

показатель *-ra*, комбинируется с другими морфосинтаксическими средствами.

‘Он <sup>√</sup>прибежал / <sup>√</sup>подбежал / <sup>√</sup>пробежал / \*бежал /  
\*бежит

б. *niŋan* ***tuksa-dā-ra-n***

он бежать-IPFV-NFUT-3SG

‘Он \*прибежал / \*подбежал / \*бежал / <sup>√</sup>бежит

(6) а. *niŋan* *minə-wə* ***karaj-ra-n***

он я.OBL-ACC заботиться-NFUT-3SG

(A) ‘Он меня воспитал’; \*(Б) ‘Он обо мне заботился’

\* (B) ‘Он обо мне заботится’

б. *niŋan* *minə-wə* ***karaj-dā-ra-n***

он я.OBL-ACC заботиться-IPFV-NFUT-3SG

‘Он обо мне заботится’

Для основ, обозначающих постоянные состояния (*sa* ‘знать’, *bi* ‘быть, существовать’<sup>6</sup>), непроизводная основа обозначает продолжающуюся ситуацию и имеет референцию к настоящему времени, ср. (7а). Для референции к прошедшему времени обязателен показатель прошедшего времени *-ča* (7б).

(7) а. *Vas’a* ***sa-(dā)-rə-n***

Вася знать-(IPFV)-NFUT-3SG

*əwənki* *bi-hi-n*

эвенк быть-PRS-3SG

‘Вася <sup>√</sup>знает / \*знал / \*узнал, что он эвенк’

б. *Vas’a* ***sa-(dā)-ča-n***

Вася знать-(IPFV)-PST-3SG

*əwənki* *bi-hi-n*

эвенк быть-PRS-3SG

‘Вася знал / \*узнал, что он эвенк’

Таким образом, в эвенкийском языке нельзя строго соотнести непроизводную основу с перфективной интерпрета-

<sup>6</sup> *Bi*- также может быть связкой, но тогда эта основа присоединяет нерегулярный показатель настоящего времени *-si/-hi*, ср. придаточное предложение в (5). Эта основа при употреблении с будущим временем *-ra* используется в значении ‘жить’ и ведет себя так же, как основы, обозначающие временные ситуации. С показателем *-si/-hi* имперфективная основа не употребляется: \**bi-dā-hi-n*.

цией. Должен учитываться также аспектуальный класс глагола, как и в энецком. По тесту временной референции все непроизводные основы являются перфективными, кроме основ, обозначающих постоянные состояния. Так что абсолютное большинство непроизводных глагольных основ должны все же получать перфективную интерпретацию, и в п. 3 мы постараемся соотнести эту интерпретацию с перфективной «в широком смысле».

Другой подход представлен в работе [Татевосов 2016], в котором перфективная основа глагола в языке с деривационным видом фиксируется морфологически (в случае эвенкийского языка как непроизводная), и у этой основы при определенных обстоятельствах (у глагола, обозначающего состояние) возможна имперфективная интерпретация.

### **3. Перфективные осмысления непроизводной формы глагола**

Согласно работам [Плунгян 2011а: 113–115; Зализняк, Шмелев 2000: 53–54], предельность глагола «в узком смысле» определяется как характеристика его лексического значения: наличие у процесса, обозначенного глаголом, логического предела (например, *таять* — *растаять*). Кроме того, существует понятие предельности «в широком смысле»: ограниченность ситуации каким-либо образом, в том числе во времени. В. А. Плунгян отмечает, что предельность «в широком смысле» приблизительно соответствует подразумеваемому значению совершенного вида (перфективного глагола). В настоящем пункте ставится задача проанализировать употребления глагола с непроизводной основой в эвенкийском языке в эпизодическом употреблении и показать, что эти употребления соответствуют предельности «в широком смысле». В работе [Paducheva, Pentus 2008] предлагается связывать перфективность с «терминативностью», которая соответствует предельности «в широком смысле».

Вот основные три случая, в которых мы встречаем глагол в непроизводной форме в эпизодических употреблениях:

- (i) глагол предельный, обозначает событие (в частном случае — процесс, который достиг логического предела);
- (ii) глагол обозначает ограниченный во времени процесс или состояние;
- (iii) глагол обозначает закончившийся (хоть и не предельный) процесс.

Первый случай — самый простой: непроизводная форма глагола обозначает событие, которое заключается в достижении процессом логического предела. В (1а) выше перфективная основа глагола *un-* ‘таять’ обозначает событие ‘растаять’, которым закончился процесс таяния ((1б), основа *un-dǎ-*). Рассмотрим второй и третий случаи более подробно.

### 3.1. Процесс, ограниченный промежутком времени

Второй случай представлен примером (8а). Если в (1б) и (3а) действия *un-* ‘таять’ и *duku-* ‘писать’ интерпретируются как законченные (‘растаять’ и ‘написать’), то в (8а) это действие ограничено промежутком времени *ǎur ǎas-wǎ* ‘два часа’. Согласно методике С. Г. Татевосова [Татевосов 2016], возможность употребления некоторой формы глагола в контексте аккузативного обстоятельства времени (или его аналога) — признак того, что эта форма обозначает процесс (а не событие). Согласно опросам носителей, русские обстоятельства типа *два часа* (употребляющиеся с глаголом несовершенного вида) переводятся на эвенкийский соответствующим сочетанием в аккузативе (как в (8а)), а обстоятельства с предлогом *за* (*за два часа*) соответствуют сочетаниям в продольном падеже, ср. (1а) и (8б)<sup>7</sup>.

- |                     |                                                   |                  |
|---------------------|---------------------------------------------------|------------------|
| (3) а. <i>niŋan</i> | <i>dukiwun-ma</i>                                 | <i>duku-ra-n</i> |
| он                  | письмо-ACC                                        | писать-NFUT-3SG  |
|                     | (А) ‘Он написал письмо’; (Б) * ‘Он пишет письмо’; |                  |
|                     | * (В) ‘Он писал письмо’                           |                  |
| (8) а. <i>niŋan</i> | <i>dukiwun-ma</i>                                 | <i>ǎur</i>       |
| он                  | письмо-ACC                                        | два              |

<sup>7</sup> Заметим, что в русско-эвенкийском словаре Б. В. Болдырева [Болдырев 1994: 112–113] конструкция в аккузативе входит в число возможных переводов сочетаний с предлогом *за*.

|                                              |                   |            |
|----------------------------------------------|-------------------|------------|
| <i>čas-wə</i>                                | <i>duku-ča-n</i>  |            |
| час-ACC                                      | писать-PST-3SG    |            |
| ‘Он два часа (по)писал письмо’ [элицитация]  |                   |            |
| b. <i>nujan</i>                              | <i>dukuwun-ma</i> | <i>ður</i> |
| он                                           | письмо-ACC        | два        |
| <i>čas-li</i>                                | <i>duku-ča-n</i>  |            |
| час-PROL                                     | писать-PST-3SG    |            |
| ‘Он за два часа написал письмо’ [элицитация] |                   |            |

В связи с данной интерпретацией, которая, по нашему мнению, приблизительно соответствует делимитативному способу действия в русском, важно следующее. Делимитативную основу [Зализняк, Шмелев 2000: 111] определяют так: эта основа описывает «некоторую «порцию» действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение которого оно производилось»<sup>8</sup>.

Если говорить об эвенкийской непроизводной основе, обозначающей ограниченное во времени действие, то эта основа употребляется прежде всего с обстоятельством *barbak* ‘чуть-чуть’ (9) или с аккузативным обстоятельством (см. (16), (8a)). Если (9) несет оценку «порции» действия как небольшой, то в (8a) нет такой оценки<sup>9</sup>. Данная интерпретация редко возможна без временного обстоятельства в аккузативе: (3a) без такого обстоятельства не может переводиться на русский глаголом несовершенного вида (интерпретация (B)). В (10) русский глагол *написал* (без обстоятельства времени) переводится как *duku-mka-*: *duku-* присоединяет аттенуативный показатель *-mka*<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> В [Татевосов 2016: 304–307, 311] приводятся аргументы за то, что русская делимитативная основа не содержит оценки «порции» действия как небольшой.

<sup>9</sup> Если употребить обстоятельство ‘долго’ *goro-wo* в (i), более приемлема основа глагола на *-da*.

(i) *Vaŋa goro-wo uliʔ(-də)-ča čontukə-wə*  
Ваня долгое.время-ACC копать\*(-IPFV)-PTCP.ANT яма-ACC  
‘Ваня долго копал яму’

<sup>10</sup> Здесь, вероятно, имеет значение то, что носители понимают русскую форму *написал* как обозначающую небольшую порцию действия.

- (9) *nuŋan*      *dukiwun-ma*      *barbak*      *duku-ča-n*  
 он      письмо-ACC      чуть-чуть      писать-PST-3SG  
 ‘Он чуть-чуть пописал письмо’ [элицитация]

- (10) *nuŋan*      *dukiwun-ma*      *duku-mka-ča-n*  
 он      письмо-ACC      писать-ATTEN-PST-3SG  
 ‘Он пописал письмо’ [элицитация]

При произнесении (11a) с непроизводной основой носители считают, что действие ‘копать’ достигло кульминации, то есть яма выкопана. В (12) (где контекст эксплицитно указывает на незавершенность действия) имперфективная основа считается более приемлемой, чем непроизводная. Однако при появлении аккумулятивного обстоятельства (в (11б)) эксплицитное указание на незавершенность процесса является приемлемым<sup>11</sup>.

- (11) а. *nuŋan*      *čonɬuka-wə*      *ulə-ča*  
 он      яма-ACC      копать-PTCP.ANT<sup>12</sup>  
*taduk*      *dərumki-ča*  
 потом      отдыхать-PTCP.ANT  
 ‘Он покопал яму, потом отдохнул’ (подразумевается, что он выкопал яму) [элицитация]

<sup>11</sup> В работе [Татевосов 2016: 308] указывается на то, что в русском аккумулятивное обстоятельство обязательно при пердуративном способе действия (*проработать* \*(два часа)), что является основанием для исключения этой формы из возможных членов акциональной группы. В связи с этим встает вопрос о том, является ли описываемое употребление в эвенкийском аналогом русского делимитативного (как было сказано выше) или пердуративного способа действия. Важно заметить, что оба способа связаны с временным промежутком, и в [Киселева, Татевосов 2022] многие утверждения касаются обоих способов.

<sup>12</sup> В эвенкийском языке некоторые причастные формы глагола могут функционировать как финитные, см. [Калинина 2001: 130–131].

б. *nuŋan* *dur* *čas-wə* *ʃoŋtuka-wə* *ulə-rə-n*  
 он два час-ACC яма-ACC копать-NFUT-3SG  
*atkan* *usu* *ulə-də-rə-n*  
 сейчас еще копать-IPFV-NFUT-3SG  
 ‘Он покопал яму, сейчас еще копает [элицитация]’

- (12) *Tola* *koto-wo* *dəju<sup>??</sup>(-da)-ča*,  
 Толя нож-ACC точить(-IPFV)-PTCP.ANT  
*ə-čə* *dəju-rə*  
 NEG-PTCP.ANT точить-PTCP.NEG  
 ‘Толя точил нож, не наточил’

Теперь рассмотрим состояния. Постоянные состояния мы не рассматриваем, потому что у них интерпретации непроизводной и имперфективной форм никак не различаются (см. п. 1, примеры (7а-б)). Рассмотрим временные состояния и вернемся к повторенному здесь примеру (2а):

- (2) а. *Vas'a* *buylə-ča* *nadalla-wa*  
 Вася болеть-PTCP.ANT неделя-ACC  
 ‘Вася болел неделю’

Глаголы, обозначающие временные состояния, могут употребляться с аккумулятивным обстоятельством времени, как и в русском (*Вася неделю **поболел** и вышел на работу*). В эвенкийском непроизводная основа глагола, обозначающего временное состояние, получает интерпретацию ‘закончившаяся ситуация’ и в контексте аккумулятивного обстоятельства времени, и без него. В примере (13а) без аккумулятивного обстоятельства имеется ввиду, что Вася уже выздоровел (то есть ситуация болезни закончилась), в (3б) то же относится к ситуации ‘сидеть’ (предполагается, что эта ситуация закончилась к моменту речи, ср. п. 2).

- (13) а. *Vas'a* *buylə-ča*  
 Вася болеть-PTCP.ANT  
 ‘Вася переболел’  
 б. *əhəka* *təhət-tə-n*, *atkan*  
 дедушка сидеть-NFUT-3SG сейчас

*ukla-də-rə-n*

лежать-IPFV-NFUT-3SG

‘Дедушка посидел, теперь лежит’

Таким образом, по материалу данного пункта можно говорить о «делимитативной» интерпретации непроизводной основы в контексте аккузативного обстоятельства времени и отнести такую интерпретацию к перфективной «в широком смысле».

### 3.2. Окончившийся процесс

Под последней, третьей интерпретацией мы подразумеваем ситуацию, которая закончилась из-за того, что израсходовался какой-то ресурс, не связанный с предельностью или неопредельностью глагола (это одно из значений русской приставки *про-* по словарю [Кузнецов 2000]). В примерах (14а-б), (15а-б) проиллюстрирована эта интерпретация:

(14) а. *duyuktu tinina-rə-n dəyi-l-lə-n*  
пчела жужжать-NFUT-3SG лететь-INCH-NFUT-3SG  
‘Пчела прожужжала (\*жужжала, \*жужжит) и улетела’  
[элицитация]

б. *duyuktu tinina-də-rə-n*  
пчела жужжать-IPFV-NFUT-3SG  
‘Пчела жужжит’ [элицитация]

(15) а. *dəyi dəy-rə-n*  
птица лететь-NFUT-3SG  
‘Птица пролетела’

б. *dəyi dəy-də-rə-n*  
птица лететь-IPFV-NFUT-3SG  
‘Птица летит’

Предложение (14а) можно понять как ‘пчела начала жужжать, пожужжала и закончила жужжать’ или как ‘пчела пролетела, жужжа’; в обоих случаях ситуация ‘жужжать’ или ‘пролетать, жужжа’ заканчивается. Аналогично, в (15а) ситуация ‘пролетать’ закончилась. В русском языке глаголы ‘прожужжать’ ‘пролететь’ оба совершенного вида и обозначают процессы, достигшие логического предела (который у

этих ситуаций совпадает с их окончанием, ср. формулировку из словаря [Кузнецов 2000], процитированную выше).

Входит ли в значение эвенкийских глаголов *tiŋina-* ‘жужжать’ и *dəu* ‘лететь’ (процессы, которые обычно считаются неопредельными) компонент ‘достижение ситуацией логического предела — окончания’? Видимо, нет, так что «терминативное»<sup>13</sup> осмысление процесса в (14a)–(15a) обусловлено типом основы глагола и синтаксическим контекстом: непроизводная основа у глаголов действия имеет такое осмысление без аккузативного обстоятельства промежутка времени. Эта формулировка описывает также примеры предельного осмысления непроизводной основы в (4), (5a), повторенных ниже, и аналогичные примеры.

- (4) *Vas'a buyla-ča*  
 Вася болеть-PTCP.ANT  
 (A) ‘Вася переболел’, \*(B) ‘Вася болел’
- (5) a. *nuŋan tuksa-ra-n*  
 он бежать-NFUT-3SG  
 ‘Он <sup>1</sup>прибежал / <sup>1</sup>подбежал / <sup>1</sup>пробежал / \*бежал /  
 \*бежит

Можно ли считать, что любая непроизводная глагольная основа в эвенкийском языке (кроме основ, обозначающих постоянные состояния, см. п. 2) имеет «терминативное» осмысление? Если глагол предельный, ситуация заканчивается при достижении логического предела. При «делимитативном» осмыслении (см. п. 3.1) ситуация заканчивается, потому что указана ее протяженность (без аккузативного временного обстоятельства, как отмечается в п. 3.1, «делимитативное» осмысление невозможно). Также концепция «терминативного» осмысления не противоречит фактам, рассмотренным в п. 2 (отсутствие различий в интерпретации

<sup>13</sup> Это термин, предложенный для определения значения перфективной основы в работе [Paducheva, Pentus 2008]. Заметим, что в работе [Плунгян 2011a: 188] термин *терминативность* употребляется в другом значении (синоним термина *апуд-латив*).

непроизводной и имперфективной форм *sa-* ‘знать’ в (7a) и невозможность перфективной интерпретации *sa-* в (7б)). Если глагол (*sa-*) обозначает постоянное состояние, это состояние не может закончиться, и непроизводная основа (*sa-*) не может обозначать наступление (а не окончание) состояния.

С семантической точки зрения, обязательное «терминативное» осмысление непроизводной основы выглядит корректно. Однако это осмысление не соответствует никакой грамматической категории, что было продемонстрировано в п. 2: морфологически выраженного терминатива в эвенкийском нет, как и морфологически перфективной основы.

Остается заметить, что, хотя примеры (14a), (15a) переводятся на русский язык приставочными глаголами на *про*, здесь нет параллели с русским пердуративом<sup>14</sup>. Пердуратив предполагает обязательное обстоятельство времени (*про-работал (неделю)*), чего нет в приведенных эвенкийских примерах.

#### 4. Заключение

Были исследованы интерпретации непроизводной формы глагола в эпизодическом употреблении в эвенкийском языке. Помимо глаголов, непроизводная основа которых обозначает событие (предельность «в узком смысле»), было выделено две основных интерпретации: «делимитативная» (процесс или состояние, ограниченный промежутком времени) и «терминативная» (окончившийся неопределенный процесс). Все три употребления можно соотнести с предельностью «в широком смысле», а также объединить, введя условие обязательной терминативной интерпретации непроизводной основы [Paducheva, Pentus 2008]. Получается, что такая основа по интерпретации и не перфективная [Константинова 1964; Горелова 1979], и не нейтральная, как предлагает

<sup>14</sup> Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев [Зализняк, Шмелев 2000: 112] определяют пердуративные глаголы так: это «глаголы, обозначающие действие, происходившее внутри некоторого замкнутого промежутка времени».

для эвенкийского [Nedjalkov 1997: 247] — ср. возможность такого же тезиса для эвенского [Мальчуков 2022: 31].

Таким образом, в эвенкийском языке основу без аспектуальных показателей по интерпретации можно считать перфективной, и она сравнима с русской перфективной основой. Однако эта параллель действует с оговорками.

В п. 2 говорилось, что эвенкийская непроизводная основа может считаться перфективной в парадигме С. Г. Татевосова [Татевосов 2016], в которой перфективной считается та основа, которая у большинства (а не у всех) глаголов имеет перфективную интерпретацию. Однако данные из п. 2 неполные: там представлены только непроизводные основы с показателем времени *-rA NFUT*. Если эвенкийский — язык с деривационным видом в парадигме С. Г. Татевосова, то непроизводная основа должна сохранять перфективную («терминативную») интерпретацию с любым показателем времени. На деле это не так: в прошедшем времени (*-čA PST*, *-čA PTCP.ANT*<sup>15</sup>) интерпретация большинства глаголов такая же, как и в аористе (как показано в п. 2), но у некоторых глаголов (которые считаются неопредельными)<sup>16</sup> только в прошедшем времени допустима неопредельная интерпретация, например, ср. повторенное здесь (6а) и (16); (17а-б)<sup>17</sup>.

<sup>15</sup> И. В. Недялков [Nedjalkov 1997: 239] считает два данных показателя одним. Однако многие исследователи, например, О. А. Константинова [Константинова 1964: 142, 172], рассматривают их как разные. Экспериментальное исследование [Морозова 2021: 149–157, 189] подтверждает существование долгих и кратких гласных, но долгота гласных существенно зависит от типа слога (открытый или закрытый) и положения слога в слове: например, наиболее долгими являются гласные в последнем закрытом слоге. В современном эвенкийском языке носители не различают долгие и краткие гласные и не обозначают их на письме, поэтому мы их в примерах не обозначаем.

<sup>16</sup> У глаголов движения из п. 2 интерпретация не меняется.

<sup>17</sup> Интерпретации примеров (16)–(17) спрашивались у трех носителей. Разногласия вызвала интерпретация (А) примера (17б): два носителя признали ее возможной, а один — невозможной.

- (6) а. *niŋaŋ*      *miŋə-wə*      ***karaj-ra-n***  
 он            я.OBL-ACC      заботиться-NFUT-3SG  
 (А) 'Он меня воспитал'; \*(Б) 'Он обо мне заботился'
- (16) *niŋaŋ*      *miŋə-wə*      ***karaj-ča-n***  
 он            я.OBL-ACC      заботиться-PST-3SG  
 (А) 'Он меня воспитал'; (Б) 'Он обо мне заботился'
- (17) а. *niŋaŋ*      *miŋə-wə*      ***tuŋna-ra-n***  
 он            я.OBL-ACC      мучить-NFUT-3SG  
 (А) 'Он меня замучил'; \*(Б) 'Он меня мучил'
- б. *niŋaŋ*      *miŋə-wə*      ***tuŋna-ča-n***  
 он            я.OBL-ACC      мучить-PTCP.ANT  
 ?(А) 'Он меня замучил'; (Б) 'Он меня мучил'

Таким образом, эвенкийский язык, как и нанайский (в котором также богатая глагольная деривация [Оскольская 2015]), нельзя строго причислить к языкам с деривационным видом.

Есть и другие проблемы при соотнесении непроизводной основы с перфективной. Как уже говорилось, «терминативная» интерпретация неприменима к основам, обозначающим постоянные состояния, поскольку такое состояние не может закончиться. Кроме того, эвенкийские пары, состоящие из перфективной и имперфективной основ, часто не соотносятся с русскими видовыми парами. Они соотносятся с перфективной и имперфективной основой в языке со словозменительным видом, например, в карачаево-балкарском (ср. [Лютикова и др. 2006]). Если же учитывать также и дериваты непроизводной основы с другими видовыми показателями (кроме *-dA*), задача классификации их на перфективные и имперфективные сильно усложняется.

## Сокращения:

3 — 3-е лицо

ACC — аккумулятив

ABL — аблатив

ANT — (причастие) предшествования

INCH — инхоатив  
IPFV — имперфектив  
NEG — отрицательное (причастие)  
NFUT — небудущее (время)  
OBL — косвенная (основа)  
PROL — пролатив  
PRS — настоящее (время)  
PST — прошедшее (время)  
PTCP — причастие  
SG — единственное число.

## Литература

Аркадьев, Шлуинский 2015 — Аркадьев П. М., Шлуинский А. Б. Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии. *Вестник СПбГУ, Серия 9 (Филология. Востоковедение. Журналистика)*, 2015, 3: 4–24.

Болдырев 1994 — Болдырев Б. В. *Русско-эвенкийский словарь*. Новосибирск, 1994.

Болдырев 2007 — Болдырев Б. В. *Морфология эвенкийского языка*. Ред. Роббек В. А. Новосибирск, 2007.

Булатова 1987 — Булатова Н. Я. *Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования*. Ленинград, 1987.

Василевич 1948 — Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Ленинград, 1948.

Горелова 1979 — Горелова Л. М. *Категория вида в эвенкийском языке*. Под ред. М. И. Черемисиной. Новосибирск, 1979.

Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк А. А., Шмелев А. Д. *Введение в русскую аспектологию*. Москва, 2000.

Казакевич и др. 2023 — Казакевич О. А., Архангельский Т. А., Клячко Е. Л. *Корпус рассказов на эвенкийском языке*. 2023. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>; <http://gisly.net/corpus/>

Калинина 2001 — Калинина Е. Ю. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. Москва, 2001.

Киселева, Татевосов 2022 — Киселева Кс. Л., Татевосов С. Г. Русский делимитатив: линейный порядок или движение к кульминации? *Компьютерная лингвистика и интеллекту-*

альные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022» Москва, 15—18 июня 2022 г. URL: <https://dialogue-conf.org/media/5791/tatevosovsgpluskisselevaxl066.pdf>

Константинова 1964 — Константинова О. А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. Москва, 1964.

Кузнецов 2000 — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*, редакция 2000 г. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=про&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=про&mode=slovari&dicts[]=42).

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке*. Москва, 2006.

Мальчуков 2022 — Мальчуков А. Л. Временное значение эвенского «аориста» и теория синтагматического взаимодействия категорий. *IV Роббековские чтения: сборник материалов международной научно-практической конференции*. Якутск, 2022, 22–35.

Морозова 2021 — Морозова О. Н. *Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков)*. Дисс. на соиск. степени доктора филол. наук, Благовещенск, 2021.

Морозова, Рудницкая 2022 — Морозова О. Н., Рудницкая Е. Л. Аорист в эвенкийском языке. *Малые языки в большой лингвистике*, Вып. 4. Под ред. И. А. Хомченковой. Москва, 2022, 222–240.

Оскольская 2017 — Оскольская С. А. *Аспект в нанайском языке*. Дисс. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2017.

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме). *Scando-Slavica*, 2011, 57 (2): 290–310.

Плунгян 2011a — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. Москва, 2011.

Татевосов 2016 — Татевосов С. Г. *Глагольные классы и типология акциональности*. Москва, 2016.

Цинциус 1949 — Цинциус В. И. *Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков*. Ленинград, 1949.

Шлуинский 2012 — Шлуинский А. Б. Фактатив и смежные категории: опыт типологии. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*, 2012, VIII (2): 950—996.

Шлуинский 2017 — Шлуинский А. Б. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида. *Вопросы языкознания*, 2017, 3: 24—52.

Bulatova, Grenoble 1999 — Bulatova N., Grenoble L. *Evenki*. München, 1999.

Däbritz et al. 2024 — *Däbritz Ch. L., Gusev V., Stoynova N. 2024. INEL Evenki corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages.* <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search>

Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. *Evenki*. London; New York, 1997.

Paducheva, Pentus 2008 — Paducheva E. V., Pentus M. Formal and informal semantics of telicity. *Theoretical and cross-linguistic approaches to the semantics of aspect*. Susan Rothstein (ed.). Amsterdam, 2008, 291–315.

## References

Arkad'yev P. M., Shluinskiy A. B. Slovoklassifitsiruyushchiye aspektual'nyye sistemy: opyt tipologii [Word-classifying aspectual systems: the experience of typology]. *Vestnik SPbGU, Seriya 9 (Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika)*, 2015, 3, 4–24. (In Russ.)

Boldyrev B. V. *Russko-evenkiyskiy slovar'* [Russian-Evenki dictionary]. Novosibirsk, 1994. (In Russ.)

Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of Evenki]. Red. Robbek V. A. Novosibirsk, 2007. (In Russ.)

Bulatova N. Ya. *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya*. [Dialects of the Amur area. Research materials]. Leningrad, 1987.

Bulatova N., Grenoble L. *Evenki*. München, 1999. (In Russ.)

Däbritz Ch. L., Gusev V., Stoyanova N. 2024. *INEL Evenki corpus. Version 2.0*. Publication date 2024-12-31. URL: <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/EvenkiCorpus/search>

Gorelova L. M. *Kategoriya vida v evenkiyskom yazyke* [Category of aspect in Evenki]. Novosibirsk, 1979. (In Russ.)

Kazakevich O. A., Arkhangel'skiy T. A., Klyachko Ye. L. *Korpus rasskazov na evenkiyskom yazyke* [Corpus of stories in Evenki], 2023. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>; <http://gisly.net/corpus/> (In Russ.)

Kalinina Ye. Yu. *Nefinitnyye skazuyemyye v nezavisimom predlozhenii* [Non-finite predicates in matrix clauses]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Kiseleva Ks. L., Tatevosov S. G. Russkiy delimitativ: lineyny poryadok ili dvizheniye k kul'minatsii? [Russian delimitative: linear order or movement to a culmination?]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2022»*. URL: <https://dialogue-conf.org/media/5791/tatevosovsgpluskisselevax1066.pdf> (In Russ.)

Konstantinova O. A. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki. Phonetics. Morphology]. Moscow, 1964. (In Russ.)

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory Russian dictionary], 2000. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=pro&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=pro&mode=slovari&dicts[]=42) (In Russ.)

Lyutikova Ye. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazel'skaya A. G., Shluinskiy A. B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Mal'chukov A. L. Vremennoe znachenie evenskogo «aorista» i teoriya sintagmатического vzaimodeystviya kategoriy [Tense meaning of the Even “aorist” and the theory of syntagmatic interaction of categories]. // *IV Robbekovskiye chteniya: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [IV Robbek readings: materials of the international scientific-practical conference]. Yakutsk, 2022, 22–35. (In Russ.)

Morozova O. N. *Paradigmatika i sintagmatika zvukovykh sistem tungussskikh yazykov Verkhnego Priamur'ya (na materiale*

*evenkiyskogo i orochonskogo yazykov*) [Paradigmatics and syntagmatics of sound systems in Tungus languages of the Upper Amur area (based on the data of Evenki and Orochon)]. Diss. na soisk. stepeni doktora filologicheskikh nauk. Blagoveshchensk, 2021. (In Russ.)

Morozova O. N., Rudnitskaya E. L. Aorist v evenkiyskom yazyke // *Malyye yazyki v bol'shoy lingvistike*. Vyp. 4. Pod red. I. A. Khomchenkovoy. Moskva, 2022, 222–240.

Nedjalkov I. *Evenki*. London; New York, 1997.

Oskol'skaya S. A. *Aspekt v nanayskom yazyke* [Aspect in Nainai]. Diss. kand. filol nauk. Saint-Petersburg, 2017. (In Russ.)

Paducheva E. V., Pentus M. Formal and informal semantics of telicity. *Theoretical and cross-linguistic approaches to the semantics of aspect*. Rothstein S. (ed.), Amsterdam, 2008: 291–315.

Plungyan V. A. Tipologicheskiye aspekty slavyanskoy aspektologii (nekotoryye dopolneniya k teme) [Typological aspects of Slavic aspectology (certain additions to the topic)]. *Scando-Slavica*, 2011, 57 (2): 290–310. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Shluinskiy A. B. Faktativ i smezhnyye kategorii: opyt tipologii [Factitive and adjacent categories]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*, 2012, VIII (2): 950–996. (In Russ.)

Shluinskiy A. B. Vidovaya sistema enetskogo yazyka na fone russkoy: k tipologii slovoklassifitsiruyushchego vida [The aspectual system of Enets against the Russian one: materials for the typology of word-classifying aspect]. *Voprosy yazykoznaniya*, 3, 2017: 24–52. (In Russ.)

Tatevosov S. G. *Glagol'nyye klassy i tipologiya aktsional'nosti* [Verb classes and the typology of actionality]. Moscow, 2016. (In Russ.)

Tsintsius V. I. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of Tungus-Manchu languages]. Leningrad, 1949. (In Russ.)

Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungussko-go) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad, 1948. (In Russ.)

Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. *Vvedeniye v russkuyu aspek-tologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow, 2000. (In Russ.)